

СИЛА ТАЛАНТА

Народному артисту СССР Шукуру Бурханову — 75 лет

Театр, как никакой другой вид искусства, рождает легенды вокруг своих созданий и творцов. И неудивительно: возникающее на глазах у зрителей каждый раз заново любое его создание живет в памяти тех, кто увидел его. Облик актера сохранит портрет, фотография, а его игру, манеру жить на сцене — лишь, во множестве оттенков, ощущения непосредственных зрителей. Но легенды рождаются в театре не только потому, что сиюминутность актерского творчества превращает его живые произведения уже в недавнюю историю. Легенды рождаются и вокруг актерских личностей, столь незаурядных, столь ярко выразивших свое время и дух своего народа, что воздействие их на публику оказывается куда шире, чем впечатления от той или иной роли. Именно таким актером-легендой стал наш современник, более пятидесяти лет играющий в театре имени Хамзы и в кино — Шукур Бурханов.

Рядом с воплощенным им образом В. И. Ленина стояли герои пьес Уйгуна, К. Симонова, Б. Лавренева, один за другим следовали шекспировский Ромео, гоголевский городничий, Фучик, чуть позже — герои Хикмета, Айбека, Шиллера, Тагора. И все же количество ролей актера, прожившего три четверти века, на первый взгляд, не так уж и велико: три шекспировские, по две шиллеровские, гоголевские и у Островского, одна чеховская, около двух десятков ролей в пьесах узбекских драматургов... Конечно, и работы в кино. Среди них сыгранный до этого в театре Гафур из «Бая и батрака», Улугбек и роли в историко-революционных фильмах, снятых К. Ярмазовым.

И все же перечень этот сам по себе не определяет творчество актера, а тем более его судьбу.

Его судьба — это яркая страсть, напор которой зрители ощущают с первого появления актера на сцене или экране. Страсть убежденности и воздействия на сомневающийся или еще не познавшие правды, если это воплощение образа Ленина. Страсть борьбы, если это угнетенный батрак Гафур. Страсть любви, если это Ромео. Страсть утверждения справедливости как высшего проявления человека, если это Фердинанд или Гамлет. Страсть поиска мудрого решения, если это Улугбек или Эдип.

Страсть, окрашивающая любое создание Бурханова, своеобразна по своему выражению. Не крик и не широкий жест говорят о ней. Напротив. Природная пластическая гармония делает героев Бурханова мягкими в движениях, почти скупыми. Она присутствует лишь в той силе, с какой актеру приходится сдерживать ее напор, пока — лишь однажды за весь спектакль — она не прорвется. И голос его, низкий, гортанный, звучит почти певуче, пока слова и фразы, словно преодолевая

что-то сопротивление, не начнут в кульминационный момент прорываться все с большей силой и размахом. Страсть, присущая актеру Бурханову и всем без исключения его героям, обладает особым свойством. Когда-то поэт сказал, что у трагедии должны быть сухие глаза. Драматическая страсть Бурханова — молчалива. Мудрый старик Сулейман-ата из спектакля «Неоплаченный долг» по пьесе У. Умарбекова (одна из последних по времени ролей) куда больше слушает, чем говорит. Молчание его на сцене наполнено живым душевным волнением, страстной готовностью понять, услышать невысказанное и недосказанное, унять чужую боль, взяв часть ее на себя. Его Сулейман-ата, как Гафур из «Бая и батрака» или Деканбай из «Шелкового сюжана», — это подлинно народный характер, когда на сцене предстает не типаж, а целый социальный и нравственный человеческий тип. Актеру всегда важна точность внешнего облика человека. Вот и здесь ношенный халат, выдавшие виды сапоги говорят о том, что герою нет нужды наряжаться в далекую поездку. Идти по следу погибшего на войне сына — его цель. Цель, страстное и гордое осуществление которой ставит последние поколения в положение неоплаченного долга перед таким вот стариком.

царь», где Бурханов играет главную роль. В древней трагедии о царе, который по неведению совершил тяжкие преступления и теперь расплачивается за них, благодаря игре Бурханова прозвучал важнейший мотив ответственности человека за мир, в котором он живет. Прозвучал мощно, ярко, заставляя испытать не только сочувствие, но и потрясение силой духа, страстным, а под конец спокойно-уверенным утверждением истины как единственной цели, к которой стремится этот человек. Античный хитон, скульптурная пластика, размеренность величественного стиха — все это достаточно чуждо современной сцене с ее жесткими и разнообразными ритмами, причудливыми мизансценами и ловко схваченным житейским говором. Но актер, мастер, обживает не костюм и декорацию, он обживает характер, обживает проблему, наполняя текст страстью утверждения добра. И древняя трагедия, лишенная в спектакле привычных примет современного искусства, оживает в движениях души большого художника.

Применительно к народному артисту СССР Шукуру Бурханову это высокое звание означает не только то, что его знает и любит народ — от аксакалов, видевших его роли в 30-е годы, до детей, запомнивших его хитрого и жестокого Ка-

В актерской среде с давних пор сложилось своеобразное разделение на тех, кто является «адвокатами» своих ролей — любит героев и сочувствует им, либо «прокурорами» — обвиняет, разоблачает. К Бурханову ни одно из этих определений неприменимо, ибо игра его придает мощную объемность любому сценическому характеру. Эта объемность определяет собою страсть сочувствия, и актер стремится эмоциональной силой своей игры пробудить ответные, столь же яркие эмоции у зрителя.

Темперамент Шукура Бурханова — глубоко гражданственный, так что самые, казалось бы, личные переживания способны зазвучать у его героев как общезначимые. Не будь этого, вряд ли в течение многих лет сохранял бы свой интерес для зрителей довольно архаично в целом решенный спектакль по пьесе Софокла «Эдип-

лина-царя в знаменитой киносказке «Илья Муромец». Он народный еще и потому, что воплотил в своем творчестве характер родного народа. Независимо от того, человека какой национальности он сыграл — русского, чеха, немца, датчанина, — он воплотил на сцене яркий темперамент, глубокую тягу к справедливости, терпеливую готовность помочь слабому и нуждающемуся. Воплотил многие из тех черт, что составляют славу национального характера, славу советского человека.

Т. ЗЛОТНИКОВА.

Кандидат искусствоведения.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Эдип-царь». Эдип — Ш. Бурханов.

Фото С. МАХКАМОВА.